

КАТЕГОРИЯ СУДЬБЫ В ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ КАРЕЛОВ И ВЕПСОВ

Аннотация. Одной из центральных тем в литературе малых этносов является тема «родного народа» и его судьбы в истории. Статья посвящена исследованию мифологемы «судьба» в литературных произведениях карелов и вепсов, написанных на карельском, вепском и русском языках. Анализируются отношение этих народов к Богу и его влияние на их мировоззрение.

Ключевые слова: карелы, вепсы, литература, фольклор, судьба, Бог, счастье.

Мифологема судьбы играет огромную роль в традиционных культурах. Она связана с ценностными ориентациями человека, его религиозными установками, менталитетом.

В карельском и вепском языках слово «судьба» обозначается как «оза», «оля». Судьба трактуется по-разному. Она может пониматься как беда, несчастье и иметь отрицательные характеристики. Наряду с этим имеются и положительные стороны, судьба может быть и счастливой. Ее можно искать. Наиболее часто в произведениях карелоязычных авторов существует прямое указание – рок, судьба.

Для русской традиционной культуры характерно двойственное отношение к судьбе: с одной стороны, покорность («от судьбы не уйдешь»), с другой – борьба с судьбой («искушать судьбу»). Обратившись к карельскому фольклору, мы встречаемся с таким же отношением. Например, о покорности говорят следующие карельские пословицы: «Jumal ei ainos mieldu muц luadi» («Бог не всегда делает, как мы хотим»), «Jumal on ozien jagai» («Бог судьбы раздает»).

Как отмечает Е.А. Наговицына, «наиболее значимые события в жизни человека и коллектива выстраиваются в некую «опорную линию» бытия»¹. Эта «линия» в творчестве писателей предстает как «нить», «тропа». Чаще всего у карелов используются два слова: «elämänrihmu» («жизненная нить»), «elämäntorppi» («жизненная тропа»). Оба эти слова связаны с жизнью, на что дано конкретное указание. И то, и другое определяется сознанием неизбежности – нить может порваться, тропа может зарости, причем, когда это произойдет, никто не знает.

С такими же образами мы встречаемся и в творчестве вепских писателей. Стихотворение Нины Зайцевой так и называется «Mušton langaine» («Ниточка памяти»). Нить памяти связывает автора с ее матерью. Про связующую нить между родителями и детьми пишут и другие финно-угорские писатели. Например, марийский писатель Вячеслав Абукаев-Эмгак. Герой его драматической повести «Катастрофа», Егерь, перед смертью находит свою дочь и видит в этом знак судьбы. Он всегда на это надеялся. В разговоре с ней он говорит: «Ниточка не может совсем теряться...».

В повести «У чужого порога» финской писательницы с вепскими корнями Раисы Лардо (Ларюшкиной) читаем: «И последней нитью с жизнью, которой суждено было скоро оборваться, стала весть о сыне...»².

В повести вепса А. Петухова «Люди суземья» мы также встречаемся с образом нити. Нить – это связующее звено в становлении чувств между юношей и девушкой. Автор пишет: «Чтобы как-нибудь случайно не оборвать эту нить, которая вновь незримо протянулась между ними, Герман решил не привлекать на себя внимание...». Катя говорит: «А твой дом далеко, далеко! Так далеко, что никакая ниточка туда не дотянется – перервется...»³.

Нить – это та же линия. В творчестве Олега Мошникова мы встречаемся с несколькими стихотворениями, в которых существует связка «линия – жизнь». Его одноименное стихотворение посвящено труду пожарных, которые каждый день рискуют своей жизнью: «Эта линия – жизнь,/ Эта линия – смерть,/ Это дверь – за которой огонь»⁴. Жизнь человека, находящегося в огне, зависит от слаженной работы пожарных. В стихотворении «Пожарный караул» О. Мошников пишет: «Стала линия-жизнь на руке пожарного/ С чьей-то жизнью земной линией одной».

Понятие «линия жизни» существует и в хиромантии. Считается, что по этой линии можно узнать, что ждет тебя в жизни, будут ли какие-нибудь серьезные изменения в судьбе, как долго проживет человек. «Где его обрвется линия,/ Набегая на край судьбы?..»⁵, – пишет О. Мошников.

В его стихотворении «Сад» мы встречаемся с необычным образом листьев: «И линия жизни/ Утонет/ В протянутых ветру ладонях»⁶. Ладони – это причудливые листья южных растений, а линии – это прожилки. М. Тарасов так писал об этом: «Прожилки на листьях и впрямь напоминают линии жизни на ладонях. А по ним можно узнать судьбу человека, предназначение дерева и судьбу природы»⁷.

Идея предопределения у карела – представителя традиционной культуры – чаще всего соотносилась с идеей бога. Особенно это касается крайних точек человеческого бытия – рождения и смерти. В карельских пословицах это: «Min eläd, sen ku Jumal andau, a min oled elänyh, se on ku ei oliz ni olluh» («Сколько проживешь, это как Бог даст, а сколько прожил – этого словно и не было»), «Jumal andoi, Jumal otti» («Бог дал, Бог взял»).

К числу первых памятников письменности карельского народа исследователи относят найденную при раскопках в Новгороде археологом А.В. Арциховским берестяную грамоту (№ 292), представляющую связный карельский текст и датируемую XII–XIII вв. Написанная кириллицей грамота воспроизводила текст заговора:

Юмалануоли 10 нимижи	Божья стрела (молния), десять имен твоих.
Нуоли съ хан оли омо боу	Стрела та она принадлежала богу,
Юмола соудьни иохови	Бог судный направляет.

По мнению фольклориста Р.П. Ремшуевой, читать данную грамоту можно по-разному, т.к. она написана не совсем ясно, буквы перемешаны и неупорядочены. Она предложила свою версию прочтения данной грамоты:

Юмола хуолий ихмижи	Бог заботится о людях.
Хуолисеке молиамо боу-	Чтобы ты заботился, мы молимся
Комола сау да ни иаков ⁸	Богомолы Сав и Яков.

Из этого можно сделать вывод, что приведенная выше трактовка грамоты не является текстом заговора, а представляет собой отрывок из молитвы или какого-либо другого религиозного текста.

Упоминание о боге встречается в различных контекстах и в эпосе «Калевала». По словам А. Мишина, в девятнадцати из пятидесяти глав слово «бог» употребляется шестьдесят семь раз. Например, мать Лемминкяйнена благодарит бога за спасение своего сына следующими словами:

Я сама бы не сумела,
Ничего я не смогла бы,
Если бы не воля Бога,
Не Всевышнего деянье⁹.

С такими же представлениями мы сталкиваемся и в современной прозе. В произведении Р. Лардо читаем: «Томка и Майка – мои сестры, только помладше... Розка и Венька на шесть лет старше меня. Правда, у мамы до них родился мальчик, кажется, его звали Юрка, но брат вскоре умер.

А вообще, у мамы, так бабушка говорила, появилось еще трое детей, все хворые, их Бог прибрал...»¹⁰.

В своих воспоминаниях мать карельского писателя Александра Костюнина отмечала: «Родилась я в глухой карельской деревне Куккозеро. До меня на белый свет появились брат и сестра. Первенец – Петя. Он умер в двухлетнем возрасте. Клава тоже жила недолго... Трудно сказать, кому их нас троих больше повезло. Господь отвел их от мук»¹¹.

Героиня рассказа Зинаиды Дубининой «Brihačšaine da Stalin» («Мальчик и Сталин»), потеряв мужа в годы сталинского террора, испытывает еще один удар судьбы: ее сын случайно наступает на оставшуюся в земле от военного времени мину и погибает. В рассказе нет открыто выраженного протеста, которого можно было бы ожидать от убитой горем матери. По мнению героини рассказа, на все воля божья, и о смерти сына она с христианским смирением говорит: «Jumal otti» («Бог взял»). И видит спасение в охранении сердца от ненависти: «Pidäü eliä, pidäü tirpua, pidäü avvuttua toine toižele, pidäü uskuo. Ken vie avvuttau meile gu ei Jumal»¹² («Надо жить, надо терпеть, надо помогать друг другу, надо верить. Кто еще поможет нам, как не Бог»). Рассказ написан верующим человеком.

В сказке «Tuulen kuldaine oksaine» («Золотая веточка ветра») З. Дубининой мы вновь встречаемся с религиозной тематикой. Девочка Маша обращается к богу с просьбой не дать умереть ее матери. Однако иногда карелы взывают к богу и с обратной просьбой. Так, Иро Пекшуева вспоминала, что однажды была в гостях и слышала, как старуха просила бога забрать ее к себе, чтобы не мешать семье жить: «Ota jumalaisen pois milma tiältä muailmalta» («Возьми, боженька, меня прочь из этого мира»).

Довольно часто используются два варианта перевода с карельского языка слова «Jumal» – бог и Юмал. С нашей точки зрения, в функциональном аспекте между богом и Юмалом принципиальных различий нет. Поскольку восприятие бога приближено к христианской традиции, то рассматривать оба эти слова можно как синонимы. Во втором случае используется метод калькированного перевода. Для карелоязычного читателя это понятно: Юмал – значит «бог».

Однако, по мнению фольклориста Л.И. Ивановой, «карельский народ подчас был очень далек от Бога, он поклонялся многочисленным духам и, поэтому, обращался к ним во множественном числе»¹³. С таким явлением мы сталкиваемся в произведениях детской литературы. В сказке Пааво Лукина «Kielastus-suarnu» («Ложь-сказка») автор пишет: «jumalat čotaijah tiähtii» («боги считают звезды»), «jumalat hullättih guavot» («боги оставили труды»), «jumaloil ei ole d'engua» («у богов нет денег»). Как видно из примеров, здесь обращение идет во множественном числе. К тому же само слово «бог» пишется с маленькой буквы.

Можно предположить, что у карелов более было распространено язычество, чем христианство. Несмотря на это, сказки карелов на религиозную тематику во второй половине XX – начала XXI вв. не носили антицерковного оттенка.

О Юмале написана пьеса Васи Вейкки «Ken andoi kažile silmät da hännän» («Кто кошке глаза и хвост дал», 2006). Картина мира, представленная автором, совпадает с мировоззрениями карельского народа, в фольклоре которого можно встретить, например, пословицу «Jumal elättiä kuren dai täin, dai viel harmuan harakan» («Бог дает жизнь бедному и шивому, да еще серой сороке»).

В карельских домах, как и в русских, икона располагалась в правом «красном» углу. Имели карелы представление и о грехах. В романе Н. Яккола «Водораздел» грехами считались, например, ворожба, употребление водки. Зная это, грешник, поворачивал икону лицом к стене. Здесь изображено народное представление о том, что если икону перевернуть,

то бог не увидит твоих грехов. И все же, каждый надеется на божье прощение.

Бог дает не только судьбу, но и счастье. Второе значение карельского и вепсского «oza», «oša» – счастье. В пожеланиях счастья, чаще всего подразумевается счастливая судьба. Например, «Anna Jumal ozua heille!»¹⁴ («Дай Бог счастья им!») в стихотворении З. Дубиной «Sana Kalevalas» («Слово о Калевале»); «Anna teile, Jumal, / Ozua, pitkiä igiä»¹⁵ («Дай вам, Бог, / Счастья, долгих лет») в стихотворении Ивана Савина «Naizien päivü» («Женский день»).

С этим понятием мы встречаемся в жанрах детского фольклора и в произведениях детской литературы. Например, исполнительница колыбельной песни очень часто желает удачной судьбы ребенку, счастья.

В рассказе для детей «Paras oza» («Лучшая доля») Натальи Синицкой проводится мысль о том, что лучшее место для жизни человека то, где он родился. Рассказ «Tirraine da Kelloine» («Капелька и Колокольчик») Тамары Щербаковой начинается с обращения мальчика к богу: «Anna minule, Jumalaine, ozua, piästä opastumah» («Дай мне, Боженька, счастья, попасть учиться!»)¹⁶.

Несмотря на то, что все ждут и желают счастья друг другу, оно чаще всего «приходит» неожиданно. Рассказ Т. Щербаковой так и называется «Vuottamatoi oza» («Неожиданное счастье»). Повествование начинается с того, что в деревню приезжают чужие, как пишет автор, «не карелы и не русские». Познакомившись с ними – это молодая женщина Адели и девочка Марьяна, – баба Матя обретает семью. «Чужие» остаются жить у нее. Баба Матя ходит в церковь и благодарит бога, что дал ей семью, а также желает большого счастья и крепкого здоровья Адели и Марьяне. Т. Щербакова видит счастье в обретении главной героиней семьи.

В стихотворении Н. Зайцевой «Kahten» («Вдвоем») автор пытается объяснить, что такое счастье:

Ozad ed voi kädel koskta,
Nähtä ed voi, korvil kulda.
Sidä ed voi laukas ostta...

Счастье нельзя рукой потрогать,
Нельзя увидеть, услышать
Его нельзя купить в магазине...

Как же тогда понять, что такое счастье? Поэт подсказывает: «Ozad tö voit löuta kahten»¹⁷ («Счастье можешь найти вдвоем»).

Проанализировав творчество карельских и вепсских писателей, можно выделить три трактовки судьбы, нашедшие воплощение в их произведениях. Первая рассматривает судьбу как силу, предопределяющую момент рождения и смерти человека. Судьба в данном контексте воспринимается как неизбежность. Вторая трактовка судьбы носит безличный характер и на языковом уровне оформляется с помощью безличных предложений. Третья трактовка судьбы воспринимается как счастье. Судьба в данном случае рассматривается как удача, которая обеспечивает благосостояние человека, достаток в семье. Две последние трактовки определяют бытие человека на земле. Чаще всего категория судьбы у карелов и вепсов соотносится с представлением о боге.

Библиографический список

- Всполах: лит. альманах. Вып. 4. – Иваново: УВД Калуга, 1996. – 72 с.
Г.Д. Красильников и тенденции развития прозаических жанров в национальных литературах Урало-Поволжья: Сб. ст. – Ижевск: Изд-во Удмурт. гос. ун-та, 2005. – 256 с.
Иванова Л.И. Библейская мудрость и ее отражение в южнокарельских пословицах о Боге // Православие в Карелии: Материалы III регион. науч. конф., посвящ. 780-летию крещения карелов (16–17 окт. 2007 г.). – Петрозаводск: КНЦ РАН, 2008. – 275 с.

- Костюнин А. В купели белой ночи. – Петрозаводск: Б.и., 2007. – 214 с.
- Лардо Р. У чужого порога: Повесть-хроника / авториз. пер. с фин. М. Хютти, Л. Мальчукова. – Петрозаводск: Verso, 2000. – 183 с.
- Мишин А. Бог был первый заклинатель, Юмала был первый лекарь / зап. М. Морозова // Ваш досуг. – 2007. – № 9 (сент.). – С. 17–20.
- Мошников О. Птица–ночь: Стихи / вступ. ст. М. Тарасова; худож. Т. Юфа. – Петрозаводск: Б.и., 1995. – 24 с.
- Мошников О. Солнечные письма: стихи, переводы. – Петрозаводск: Периодика, 2009. – 157 с.
- Петухов А. Избранное: В 2-х т. – Т. 2. – Вологда: Полиграфист, 2005. – 426 с.
- Dubinina Z. Valgei koivikko. – Petroskoi: Periodika, 2003. – 80 s.
- Omil pordahil: runot da kerdomukset karjalan kielel. – Petroskoi: Periodika, 1999. – 144 s.
- Remsujeva R. Huoliiko Jumala ihmistä? // Karjalan heimo. – 1991. – N:o 7/8. – S. 139.
- Savin I. Roindurandu: runot. – Petrozavodsk: Periodika, 2005. – 79 s.
- Šierbakova T. Pajun kukkazet – keviän viestit. – Petroskoi: Periodika, 1999. – 27 s.
- Zaiceva N. Vauktan unen süles. – Petroskoi: Periodika, 2008. – 93 s.

¹ Г.Д. Красильников и тенденции развития прозаических жанров в национальных литературах Урало-Поволжья: Сб. ст. – Ижевск: Изд-во Удмурт. гос. ун-та, 2005. – С. 144.

² Лардо Р. У чужого порога: Повесть-хроника / авториз. пер. с фин. М. Хютти, Л. Мальчукова. – Петрозаводск: Verso, 2000. – С. 17.

³ Люди Суземья // Петухов А. Избранное: в 2-х т. – Т. 2. – Вологда: Полиграфист, 2005. – С. 378.

⁴ Мошников О. Линия – жизнь: стихи // «Всполох»: лит. альманах. – Вып. 4. – Иваново: УВД Калуга, 1996. – С. 28.

⁵ «Берега. Берега Карелии...» // Мошников О. Солнечные письма: стихи, переводы. – Петрозаводск: Периодика, 2009. – С. 96.

⁶ Сад // Мошников О. Солнечные письма: стихи, переводы. – Петрозаводск: Периодика, 2009. – С. 99-100.

⁷ Тарасов М. Линии жизни // Мошников О. Птица-ночь: стихи. – Петрозаводск: Б.и., 1995. – С. 3.

⁸ Remsujeva R. Huoliiko Jumala ihmistä? // Karjalan heimo. – 1991. – N:o 7/8. – S. 139.

⁹ Мишин А. Бог был первый заклинатель, Юмала был первый лекарь / зап. М. Морозова // Ваш Досуг. – 2007. – № 9 (сент.). – С. 18.

¹⁰ Лардо Р. У чужого порога: Повесть-хроника / авториз. пер. с фин. М. Хютти, Л. Мальчукова. – Петрозаводск: Verso, 2000. – С. 7.

¹¹ Костюнин А. В купели белой ночи. – Петрозаводск: Б.и., 2007. – С. 133.

¹² Dubinina Z. Brihaččaine da Stalin // Omil pordahil: runot da kerdomukset karjalan kielel. – Petroskoi: Periodika, 1999. – S. 26.

¹³ Иванова Л.И. Библейская мудрость и ее отражение в южнокарельских пословицах о Боге // Православие в Карелии: Материалы III регион. науч. конф., посвящ. 780-летию крещения карелов (16-17 окт. 2007 г.). – Петрозаводск: КНЦ РАН, 2008. – С. 218.

¹⁴ Sana Kalevalas // Dubinina Z. Valgei koivikko. – Petroskoi: Periodika, 2003. – S. 58.

¹⁵ Naizien päivü // Savin I. Roindurandu: runot. – Petrozavodsk: Periodika, 2005. – S. 47.

¹⁶ Tippaine da Kelloine // Šierbakova T. Pajun kukkazet – keviän viestit. – Petroskoi: Periodika, 1999. – S. 9.

¹⁷ Kahten // Zaiceva N. Vauktan unen süles. – Petroskoi: Periodika, 2008. – S. 38.